

ЗИНАИДА ГИППИУС

БЫТ И
СОБЫТИЯ

Зинаида Гиппиус

Быт и события

«Public Domain»

1904

Гиппиус З. Н.

Быт и события / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1904

«Говорят о том, все чаще и чаще, что исчезает жизнь – быт, любовь к жизни и умение жить. Смотрят в прошлое и в настоящее и находят, что отцы наши умели жить, ценили и видели мир, а мы уже не ценим, и не видим, и не любим, и не творим, мы – безбытны. И чем дальше, тем идет все хуже...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Зинаида Гиппиус

Быт и события

I

Говорят о том, все чаще и чаще, что исчезает жизнь – быт, любовь к жизни и умение жить. Смотрят в прошлое и в настоящее и находят, что отцы наши умели жить, ценили и видели мир, а мы уже не ценим, и не видим, и не любим, и не творим, мы – безбытны. И чем дальше, тем идет все хуже.

Смерть Чехова, этого тонкого, любовного художника мелочей, особенно возбудила внимание к «быту» и к современному, как будто его отрицающему, как будто идущему вне его, течению жизни. Самые разнородные и разномысленные люди, каждый по-своему, поднимают этот вопрос и по-своему решают его. Одни говорят: идейность убивает творческое и действенное отношение к жизни, отрывает человека от корней, делает его беспомощным и отвлеченным. Другие, между ними и Розанов, наш «плотовидец», пророк «земли и земного», – винят исторические религиозные уклоны, влияние новых принципов, будто бы отвергающих и уничтожающих землю, жизнь и плоть как нечто низшее. Сказано, что «к концу мира охладает любовь», кричит Розанов, – и вот она уже охладевает! Исчезает жизнь, вся ее милая прелесть, весь ее стройный, вкусный, веселый уклад, вся ее непосредственная, безличная радость! Опомнимся, вернемся к сочной библейской правде, заживем по-старому, чтобы сходить в могилу, «насытись днями» и имея твердое бессмертие в многочисленном потомстве. Библейский быт – вот к чему нам надо стремиться!

О «быте» горюют и так называемые «декаденты». Но они говорят, что вся беда не оттого, что, напротив, она чересчур выросла, умножилась в душе, сама по себе, а жизнь в это время отдалилась, обесцветилась, и любовь к ней неприложима, не приходится по мерке. «Декadенты», жалуясь и тоскуя, не заходят, однако, так далеко в историю, как Розанов, не мечтают о библейском житье, а с унынием любуются недавним прошлым, помещичьим житьем, расцветом вишневых садов, – ну, в крайнем случае, художественностью, выписанностью домостройного порядка жизни. Они не отдают себе ответа, сколько в этом любовании исторического эстетизма. Но им тоже кажется, что у нас нет своего «быта» и что это горестно, что эта безбытность – слабость.

Тут происходит действительно нечто горестное – горестное недоразумение. Как-то повелось, что смешивают два слова: быт и жизнь. То скажут, что нет быта, то, что нет жизни – и точно оба слова значат одно и то же. А между тем это не только не одно и то же, но это два понятия друг друга исключают. Быт начинается с точки, на которой прерывается жизнь, и, в свою очередь, только что вновь начинается жизнь – исчезает быт. Быт именно перерыв, отдых жизни, как будто летящая птица складывает крылья и садится на дерево. Она жива, она опять полетит, опять будут мелькать мимо новые облака и горы, приближаться и проходить, как события, а пока она отдыхает – около нее все тот же узор листьев, мирный и неподвижный, и одинаково тверда та же ветвь под ее лапками. Жизнь – события, а быт – лишь вечное повторение, укрепление, сохранение этих событий в отлитой, неподвижной форме. Быт – кристаллизация жизни. Поэтому именно жизнь, то есть движение вперед, нарастание новых и новых событий, – только она одна – творчество; и это творчество исключает быт, движение круговое, повторительное, почти инстинктивное охранение завоеванного, без рассуждений, без желаний. Воистину отдых.

Я не хочу унижить «быт», отдых нужен, ему его место; но горевать о том, что у нас не вечный отдых, о том, что сейчас у многих и у многих из нас нет «быта» (а, следовательно,

есть «жизнь»), – мне кажется просто безрассудным. Слава Богу, что есть жизнь! Что есть вольно мчащийся поезд, управляемый определенным и сознательным каким-нибудь желанием, что мелькают и остаются позади светлеющие деревья и зори, все новые, попутные события. А если в пути и не знаем мы, в какой час завтра встанем и чем пообедаем, и какого чипа человека встретим, – мы ведь на это не жалуемся. Те, кто утомятся, – оставят поезд, останутся на станции и будут отдыхать, и тут уже им будет время с любовью расставить мелочи по местам, установить порядок жизни, обычаи, правила, весь мирный круг быта. А когда отдохнут – поедут дальше, навстречу событиям, и сам собою разрушится привычный строй их житья.

Люди быта и люди жизни не должны бы никогда враждовать между собою, ни упрекать одни других. Ведь правы и те, и другие, ведь они не могут завидовать друг другу – каждый имеет то, что ему в данный момент нужно, – отдых или движение. Но на деле выходит не так; и это естественно, потому что и жизнь живут, и быт устраивают люди скопом, в больших соединениях; и непременно между бытовыми попадутся более жизненные, между жизненными – более бытовые, и вот эти-то неуместные, имеющие не то, что им нужно, но задержанные общей массой окружающих, – недовольны, несчастны, мучаются. Они унижают среду, в которую попали, проклинают ее, слабые – презирают. Проповедуют всеобщее возвращение или к быту, или, если они живые, но в быту, – к жизни. Всеобщее для всех и одновременно! Это еще та личная нетерпимость к свободе, непроникновение в прекрасные, совершенные, мировые законы, которые рождаются из недостатка сознания и самознания.

Чехов был в быту – и ненавидел быт, томился им, ненавидел быт – любя и зная его; так мы иногда собственную руку ненавидим – и ведь все-таки она своя, ближе других, ее не оторвешь; чтобы оторвать, для спасения сердца, надо иметь редкую силу. Чехов этой силы не имел, он так и протомился любовной ненавистью до самой смерти. Она, его ненависть, была такая бессознательная и такая любовная, что многими, вот хотя бы «декадентами» безбытными и безжизненными (есть и эта середина, таков бессознательный эстетизм), была принята за чистую любовь к быту. Не умея жить и не умея устроить быта, томясь в пустом пространстве чистого и притом неосмысленного созерцания, декаденты – одни возлюбили Чехова за его якобы чистую любовь к быту, к этому повседневному круговому житью со всеми мелочами, другие умиляются рассказами этого писателя, вообразив, что быт и жизнь одно и то же, что мелочи, повторяющиеся и вечные у Чехова, – «прозрачны», а стоит только бытовые явления сделать прозрачными – они превратятся в события. Декаденты, по примеру всех других «партий», самых противоположных, тащат Чехова к себе: он наш! А Чехов, как стоял на одном месте, страдающий, слабый, глубокий, значительный, так и стоит. Ничей, свой и Божий. Он показал нам трагедию человека жизни – в быте; и это, может быть, остережет многих и укажет им их путь – если уж нужно искать действенной пользы в художественных произведениях Чехова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.